

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ГДЕ Я ЖИЛ, КОГДА БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ

Первое место, которое я помню, — это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны — дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег.

Пока я был маленький, мать кормила меня своим молоком, потому что я не мог есть траву. Днем я бегал около нее, а ночью ложил-

ся спать близко-близко к ней. Когда было жарко, мы, бывало, стояли в тени деревьев, возле пруда. В холодное время нам было где укрыться под хорошим навесом подле роши.

Когда я настолько вырос, что смог есть траву, моя мать стала уходить с утра на работу и возвращалась только к вечеру.

Кроме меня, на нашем лугу паслось еще шестеро жеребят; они были все старше меня; некоторые из них были совсем большие, как взрослые лошади. Мне было очень весело с ними бегать и резвиться; мы, бывало, скакали во всю прыть кругом луга, но иногда, во время игры, мне больно доставалось от моих товарищей, которые на скаку лягали меня и кусали.

Однажды, когда я получил много колотушек, моя мать заржала, зовя меня к себе. Вот что она мне сказала:

— Слушай меня внимательно: здешние жеребята славные и добрые, но все они со временем будут ло-

мовыми лошадьми¹. От них нельзя ожидать большой нежности в обращении. Ты же породистый и хорошо воспитанный жеребенок; твой отец очень известен в здешних местах, а дедушка взял главный выигрыш на скачках в Ньюмаркете. Твоя бабушка была самая добрая, смирная лошадь, какую я когда-либо знала, и я никогда не лягала и не кусала никого. Надеюсь, что ты вырастешь такой же и не приобретешь дурных привычек. Смотри, делай свое дело с охотой, хорошенько поднимай ноги, когда бежишь рысью, и никогда не кусайся и не лягайся.

Я всегда помнил совет матери; я знал, что она мудрая старая лошадь и что хозяин о ней высокого мнения. Ее звали Герцогиней, но хозяин часто называл ее Любимицей.

У нас был очень добрый хозяин. Кормил он нас хорошо и обращался с нами ласково, как со своими малень-

¹ Ломовая лошадь — предназначенная для перевозки тяжестей.

кими детьми. Мы все его любили, а моя мать была к нему очень привязана. Завидев его подле калитки, она ржала от радости и подходила к нему. Он гладил ее и говорил:

— Ну, как поживаешь, старая Любимица? А что подделывает маленький Черныш?

Меня так прозвали за мою совершенно черную масть. Хозяин, поласкав мою мать, угощал меня вкусным хлебом, а матери приносил морковку. Все лошади подходили к нему, но мы были его любимцами. Моя мать всегда возила его в город по базарным дням в легонькой тележке.

Один из рабочих фермы, молодой парень по имени Дик, приходил иногда в наш загон, чтобы набрать костяники, которой росло много вдоль изгороди. Наевшись вволю, он начинал с нами играть, то есть он называл это игрой: он бросал в жеребят палки и камни, желая посмотреть, как они поскачут. Мы не обращали на него большого внимания, потому что могли ускакать от него, но слу-

чалось, что камень кого-нибудь больно задевал.

Однажды, забавляясь таким образом, он не заметил хозяина, который был на соседнем поле. Хозяин в одну минуту перескочил через изгородь, подбежал к нему и, прежде чем Дик успел оглянуться, так выдрал его за уши, что бедняга закричал от боли и испуга. Мы все приблизились к хозяину — нам любопытно было увидеть, что будет дальше.

— Дурной мальчишка! — сказал хозяин. — Как тебе не стыдно гонять жеребят? Ты, верно, не раз уже проделывал свои злые шутки с ними. Но это будет последний раз. Возьми деньги и ступай-ка домой. Ты мне больше не нужен.

Итак, мы больше не видали Дика. Старый Даниэль, ходивший¹ за лошадьми на ферме, был такой же добрый человек, как хозяин. Нам очень хорошо жилось.

¹ Ходить за лошадью — ухаживать за лошадью.

Глава вторая

ОХОТА

Мне еще не было двух лет, когда случилось одно происшествие, которого я никогда не забуду. Дело было ранней весной; ночью морозило, а с утра над лугами и рощами стоял легкий туман. Я щипал траву с другими жеребятами. Вдруг мы услышали вдали что-то вроде собачьего воя. Старший из нас, наострив уши, сказал:

— Это охота!

Он тотчас поскакал на другую сторону лужайки, откуда можно было далеко видеть поле; мы, конечно, все побежали за ним. Моя мать и старая верховая лошадь хозяина, стоявшие неподалеку от нас, разговаривали между собой, и видно было, что для них дело это весьма знакомое.

— Они нашли зайца, — сказала моя мать. — Если они его сюда погонят, мы увидим охоту.

Вскоре вся стая собак высыпала на соседнее пшеничное поле. Они бешено бежали, оглашая воздух неисто-

вым криком. Это было что-то ужасное, не похожее на лай, — какой-то непрерывный рев! За ними скакали несколько всадников; некоторые из них были в зеленых сюртуках. Старая верховая лошадь хозяина зафыркала, жадно следя глазами за охотой, и нам, жеребятam, хотелось скакать там на просторе. Но вот охота остановилась в следующем поле. Собаки смолкли и забегали в разные стороны.

— Они потеряли заячий след, — заметила старая лошадь. — Может быть, зайцу удастся от них уйти.

— Какому зайцу? — спросил я.

— Не все ли равно какому? — ответила старая лошадь. — Может быть, здешнему какому-нибудь, из нашей рощи. Людям и собакам только бы напасть на зайца, они не отстанут от него.

Действительно, скоро снова поднялся собачий рев; вся стая бросилась назад, по направлению к нашему лугу, в то место, где за ручьем начинался высокий берег.

— Теперь мы увидим зайца, — сказала моя мать.

В эту самую минуту заяц, обезумевший от страха, пробежал мимо, к роще. Собаки как бешеные мчались за ним; они перескочили через ручей, а за ними и охотники. Человек шесть или семь ловко перепрыгнули. Заяц попытался проскочить через изгородь, но она была слишком частая; он бросился опять на дорогу, однако было уже слишком поздно: собаки с диким лаем окружили его. Мы услышали пронзительный крик. Тем и кончилась жизнь зайца.

Один из охотников подскакал к стае расшвиравших псов и отогнал их арапником¹, а то они разорвали бы зайца на куски. Охотник поднял зайца за заднюю окровавленную ногу, — и все господа казались очень довольными.

Что касается меня, я был до того изумлен всем виденным, что сначала

¹ Арапник — длинная охотничья плеть.

не разобрал того, что случилось подле ручья, но когда я наконец оглянулся в ту сторону, то увидел печальную картину: две красивые лошади упали на скаку — одна барахталась в воде, а другая лежала на траве. Один из ездоков вылезал из ручья, весь покрытый грязью; другой лежал неподвижно.

— Он сломал себе шею, — сказала моя мать.

— И поделом ему! — заметил один из жеребят.

Я подумал то же, но моя мать не согласилась с нами.

— Нет, так не надо говорить, не надо ни о ком говорить дурно! — сказала она. — Странные развлечения у людей! Хотя я, старая лошадь, многое на своем веку видала, но я никогда не могла понять этой забавы, в которой люди находят столько приятного. Они часто сами ушибаются, портят дорогих лошадей и мчатся по полям из-за какого-нибудь зайца, или лисицы, или оленя, которых они могли бы себе достать гораздо легче,

без всякой травы. Но, конечно, мы, лошади, этого не можем понимать.

Пока мать рассуждала, мы смотрели на то, что происходило между охотниками. Многие из них окружили неподвижно лежавшего молодого человека. Наш хозяин, который тоже был там, первый нагнулся к нему. Когда он его приподнял, голова и руки молодого человека безжизненно свесились; все лица были очень серьезные. Теперь все было тихо кругом, даже собаки смолкли, почуяв что-то недоброе. Молодого человека внесли в дом к нашему хозяину. Я услышал потом, что это был Джордж Гордон, единственный сын богатого помещика, статный, красивый юноша, гордость семьи.

Посланы были гонцы за доктором, за ветеринаром и к помещику Гордону известить его о случившемся.

Ветеринар, осмотрев вороную лошадь, лежавшую на траве, покачал головой: у нее была сломана нога. Кто-то сбегал в дом нашего хозяи-

на за ружьем, и вскоре раздался какой-то громкий звук; в ту же минуту мы услышали пронзительный крик. Потом снова наступила тишина.

Вороная лошадь лежала без движения. Моя мать казалась сильно взволнованной; она сказала, что давно знала вороного коня, которого звали Роб-Рой. Это был прекрасный, горячий конь, без малейшего порока. (Моя мать потом никогда больше не ходила в ту сторону луга.)

Несколько дней после того мы услышали колокольный звон, доносившийся от соседней церкви; глядя через забор, мы увидели ехавшую по дороге странную черную карету с лошадьми, покрытыми черными попонами. За ней ехала другая карета, третья, четвертая, и все они были черные, а колокол все звонил. Это везли молодого Гордона на кладбище. Он никогда больше не поедет верхом.

Что сделали с Роб-Роем, я не знаю; но знаю, что все это случилось из-за одного маленького зайца.